

Ю. Устюгова

Ежедневные вечера
Танцевальной культуры
и отдыха
в Парке имени
Железнодорожников

16+

Юлия Устюгова

**Ежедневные вечера танцевальной
культуры и отдыха в Парке
имени железнодорожников**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Устюгова Ю. Ю.

Ежедневные вечера танцевальной культуры и отдыха в Парке имени железнодорожников / Ю. Ю. Устюгова — «ЛитРес: Самиздат», 2013

На семи холмах раскинулся город. А посреди города раскинулся прекрасный, страшный и загадочный Парк имени железнодорожников. У него нет границ и берегов. Отсюда слышно, как гудят поезда. На его запутанных дорожках бродят призраки, разбойники, красавицы, благородные служители закона и железнодорожные пути. Здесь можно всё потерять и всё найти, включая самого себя. Умереть - и заново родиться. Если только осмелишься пройти под сверкающие ворота, по озарённой круглыми фонарями аллее к танцевальной площадке со звездой из белого мрамора...

© Устюгова Ю. Ю., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

1	5
2	12
3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

1

По улице шли трое. Уже по звонкому звуку шагов, не заглушённых ни снегом, ни дождём, ни травой, ни листвой, можно было догадаться, что шёл апрель. На ночной улице было очень светло, хотя только один фонарь горел. Там, куда шли трое. Там, где был вход в парк имени Железнодорожников.

Из парка неслась музыка. Каждая звезда на небе была видна. И одна звезда – большая, пятиконечная – была видна над входом в парк имени Железнодорожников. А ещё две сияли по бокам – у основания больших бронзовых факелов. Ворота со звёздами и факелами серебрились светом фонаря. Поэтому казалось, что за раскрытыми ажурными створками нет ничего. Ничего. Даже ночи.

Но троих это ничуть не пугало. Они лишь помедлили минуту, прислушавшись к звону трамвая, пролетевшего по другую сторону парка, и один из них посмотрел на часы. Затем они зашли в ворота. На двух из трёх была военная форма, третий был одет в штатское, в белой рубашке.

– Едва не опоздали, – сказал тот, что посмотрел на часы, – очень маленький и смуглый. – Ровно час, как началось.

В абсолютной пустоте за воротами парка парила, будто подвешенная светом к фонарям, дорожка. По ней и пошли трое, прямо на музыку. Уже можно было различить в ней прерывистое дыхание музыкантов собственного оркестра Железнодорожников.

– Сейчас!

Маленький военный снова посмотрел на часы. Музыка усиливалась в весеннем воздухе.

Действительно, они чуть не опоздали к тому, ради чего, собственно, и ходили на танцплощадку ежедневно. Как и вся или почти вся мужская половина собиравшихся вечерами на круглой, в клиньях белого мрамора танцплощадке.

– Началось!

Трое втянули воздух и обратились в зрение.

С противоположного конца парка, от трамвайной остановки, Валечка Кузнецова дошла до мрамора площадки и остановилась. Так, что белый свет пал на Валечкин бюст, а сама она несколько затерялась во мраке.

Были разные причины, не позволившие никому из трёх – ни разу за все Вечера танцевальной культуры – потанцевать с Валечкой. И первая причина была та, что танцевать с ней желали все. Вот и сейчас, не успела Валечкина грудь показаться в лучах фонарей, окружавших плотным строем танцплощадку, как не менее плотный строй спин заслонил от троих и грудь, и Валечку. И сразу же Валечку Кузнецову подхватил и увёл в танце какой-то ушлый парень. Танцплощадка резко опустела. Никто почти не танцевал. Валечкин бюст, едва помещавшийся между Валечкой и ушлым парнем, заметно колыхался при каждом движении танца. И все делали то, ради чего и ходили на ежедневные Вечера танцевальной культуры и отдыха в парк имени Железнодорожников, – то есть смотрели на колыхания. А вторая причина того, что ни один из трёх героев никогда не танцевал с Валечкой, была та, что никто из них не знал, как вести себя рядом с обладательницей столь выдающейся фигуры.

Какой-то медленный танец, никто не мог сказать какой, закончился, и начался фокстрот. Ушлый парень и не думал отпускать Валечку. Это был квикстеп, быстрый фокстрот. Зрители испустили слабый вздох.

– Дамы приглашают кавалеров! – резко объявили в рупор после квикстепа. И женская рука неожиданно ткнулась в руку одного из троих. Иван, высокого роста военный, так пристально смотрел на Валечку, что не чувствовал под собой ног. От прикосновения женской руки его шарахнуло, словно током, и сдёрнуло в танец. Не в силах глянуть на худую партнёршу, он не

сводил глаз с Валечки. Но вдруг почувствовал, что лёгкий жар идёт от прижавшегося к нему худенького тела, которое было действительно таким лёгким, что предугадывало заранее каждое движение Ивана. Он с удивлением и даже испугом всмотрелся в незнакомое лицо. Но во мраке среди толпы танцующих не было видно ничего, только грудь покалывало от горячего женского плеча, прижатого так, как и полагается плечу прижиматься в мазурке. В польке-мазурке.

Польку-мазурку исполняли каждый вечер. Но сегодня Иван чувствовал особенное удовольствие, танцуя. Он чувствовал, что оно происходит здесь и сейчас, что никогда больше не будет такой мазурки. Что танец, девушка, воздух, ночь, апрель, белый мрамор, аллеи и фонари, даже толчок в рёбра от увальня, налетевшего на них, и весь парк имени Железнодорожников – самое лучшее, что есть в жизни. И даже самое лучшее, что в жизни вообще может быть.

У польки-мазурки была странная, прыгающая, отчаянно смешная мелодия. Сейчас Иван подбирал на эту мелодию слова:

Жизнь!

Это жизнь!

Только жизнь и больше ничего!

Жизнь!

Просто жизнь!

Просто жизнь и больше ничего!

Тут начался припев с другим ритмом, на который у Ивана пока не было слов. Каблуки стучали.

– Танцы кончены! – объявил в рупор распорядитель в чёрном галстуке «собачье ухо». Женская рука моментально выскользнула из руки Ивана, и, оглянувшись, он уже не мог разглядеть в толпе покидающих парк девушек ту, с кем танцевал. Девушки, шумно веселясь, шли к трамвайной аллее и заканчивающей её триумфальной арке. Но даже Валечку Кузнецову приметить между ними было трудно.

– Пошли! – сказал маленький военный, Зайнулла, положив руку на плечо Ивану. Трое не ездили на трамвае, а ходили пешком, и идти им было в другую сторону. Но и к бронзовым воротам со звёздами и факелами, через которые они вступили в парк, тройца возвращаться тоже не стала. Зайнулла, Иван и Иванов родич Стёпа пошли обратно через самый парк, через его дальние и тёмные, бесконечные, непонятно где начинающиеся и заканчивающиеся аллеи.

«Жизнь! Это жизнь! Только жизнь и больше ничего!» – повторял Иван про себя. Ему страшно нравилось идти посреди светлой ночи, среди пустых ветвей по аллеям, не имеющим начала и конца. Тем более что Стёпа, как единственный знающий дорогу горожанин, в отличие от приехавших в город на учёбу Ивана и Зайнуллы, постоянно сворачивал то туда, то сюда. Отчего они разок даже влетели в целующуюся парочку, хотя аллеи казались совершенно безлюдными, и встретить на них живых людей представлялось совершенно невозможным.

Проводив глазами исчезнувших парня с девушкой, Стёпа замедлил шаг, обернувшись к Ивану и Зайнулле:

– А вы знаете, что здесь можно встретить Призрак Курсанта? Видите вон ту башню? – спросил он, показывая на ветхое деревянное строение, рисующееся силуэтом над верхушками деревьев. – Это вышка. Здесь разбился курсант.

– С парашютом? – не удивился Зайнулла.

– На аэроплане. Здесь была лётная школа. Лётчиков готовили, и один разбился. Как сейчас вижу – они сюда бегут в тужурках с медными пуговицами. А он лежит. Аэроплан.

– Не было здесь никогда школы! – возразил Зайнулла. – Какая школа, какие полёты – деревья вокруг!

– Это было давно. В германскую войну, еще до революции. И школа была не здесь – здесь он упал и умер. У озера. Туманным утром. С белым лицом. На зелёной траве. Он никогда никого не любил. Не успел. И теперь иногда ночами подстерегает парочки.

Зайнулла хотел сказать, что, наверное, исчезнувшая пара приняла Степана в белой рубашке за Призрак Курсанта, но прислушался. Все прислушались. В кустах закричали. Зайнулла, пригнувшись, побежал сквозь ветки. И с ним остальные. Пробежав немного, они остановились.

На спуске у высокого дуба шла драка.

– Гопники? – предположил Иван.

– Отморозки, – покачал головой Степан с видом знатока.

– Какие такие отморозки? – удивился Зайнулла.

– У гопников правило – парня с девушкой не бить, а они бьют. Значит, не гопники, а отморозки.

– Видишь девушку? – спросил Зайнулла.

Стёпа ткнул пальцем в белое пятно, мелькнувшее за деревьями, рядом с луной.

– Даже две девушки, – уточнил Зайнулла.

– Намётанный у тебя глаз, Зайнулла. Но что делать будем? – спросил Стёпа, блеснув зрачком.

Вот только тут Иван понял, что всё время, пока обходил глухие углы Парка имени Железнодорожников, он напевал. Не песню – так, на мотив польки-мазурки:

– Жизнь! Это жизнь! Жизнь! Это жизнь!

На душе у него было хорошо, хотя Валечку он так и не пригласил.

– А может быть, поможем? – спросил Иван.

Стёпу упрощать было не нужно. Но Зайнулла встревожился:

– Нас не слишком много, нет? Всё по-честному?

– Поровну, Зайнулла, поровну. Нас четверо, их четверо, считая тех, кого бьют.

И успокоенный Зайнулла, подскочив к бьющему, уложил того сразу – ударом в висок – в весеннюю пыль.

* * *

– А теперь свисти! – сказал Иван Зайнулле, сидящему на уложенном, которому они скрутили руки, пока остальные убежали. Но едва Зайнулла сделал попытку достать из кармана свисток, как лежавший до того кулем отморозок неожиданно встрепенулся. И Зайнулла скатился вниз по склону вместе со стальным свистком, канувшим искрой в листву. В темноте внизу спуска долго мелькали белая рубашка убегающего отморозка и его босая пятка, потому что, пытаясь удержать преступный элемент, Зайнулла сорвал с него один ботинок.

– Вы что, дружинники? – спросил пострадавший парень, садясь на листья.

– Ну, вроде того, – засмеялся Зайнулла, бросая ботинок и отряхиваясь.

Иван включил фонарик и навёл на потерпевшего. Кровь, которая в темноте казалась чёрной, стала красной. Она пачкала красивым пятном, напоминающим сердце, рубашку на груди потерпевшего, но не похоже было, что он ранен.

– Здорово ты кому-то нос расквасил. Можно на ты? – предположил Иван.

– Конечно, только не поднимайте меня, не надо! Я посижу пока.

Лицо потерпевшего в свете фонаря из синего стало белым.

И стало видно, что это человек не такой простой и не такой уж молодой, как показалось Ивану вначале. Лет под тридцать ему, а может, и за тридцать. Худое длинное лицо с длинным носом. Тонкие морщины густой сетью собрались под глазами, как у человека, который часто щурится. А глаза, хоть и выглядят в свете фонаря лиловыми, как сливы-венгерки, на самом деле серые. Очень непростой человек.

– Как тебя зовут? Девушек провожал? – спросил Зайнулла с радостным видом трубадура, жаждущего воспеть рыцарский подвиг. – И где они?

– Капитонов меня зовут. «Капут» – по латыни «голова», – пояснил потерпевший.

– Давай руку, голова!

На этот раз потерпевший встал, но сразу же бессильно прислонился спиной к тому самому дубу, по которому назывался спуск. К дубу, за корни которого цеплялись, подымаясь по спуску вверх, к дубу, о ствол которого тормозили, спускаясь вниз, чтобы, выпустив его из объятий, вновь с молодецким уханьем и легкомысленным визгом лететь по склону.

– Так где же девушки, Капитонов?

– Убежали девушки. Я крикнул Ольге и Марусе: «Бегите!» – вот они и убежали. А куда – знает ваш товарищ.

– Ваня? – удивился Зайнулла.

Все повернулись к Ивану.

«С чего бы вдруг?» – подумал Иван, сохраняя невозмутимость.

– Ну это же ваша девушка, не моя, вы с ней танцевали последнюю мазурку, а совсем не я. Я знаю только, что её зовут Ольга, и предложил проводить её и подругу. Очень красивая блондинка, кстати. И подруга такая же.

Иван молча смотрел на вновь осевшего на землю Капитонова. Он стоял ниже потерпевшего по склону, потому Иван и Капитонов оказались теперь лицом к лицу.

«Так вот, значит, как зовут девушку, которая так здорово танцует! Ольга!» – пронеслось в Ивановой башке под требовательным взглядом фиолетовых глаз и косыми взглядами Стёпы и Зайнуллы.

– Давай мы тебя проводим! – вновь поставил потерпевшего на ноги Зайнулла. – А то, похоже, ты, Капитонов, сам не дойдёшь. У тебя имя есть? Я Зайнулла. Это Ваня. Это Стёпа.

– Я два часа как с поезда. Мне некуда пока идти... – сказал Капитонов. – У меня гостиница только с завтрашнего утра. Вот я и пошёл на танцы.

Услышав про поезд, Стёпа как-то задумался и спросил, окинув цепким взглядом чухонскую внешность потерпевшего:

– А откуда же ты приехал, Капитонов? Из Ленинграда?

– Из Москвы. Я художник.

– По делу?

– Лечиться.

Услышав ответ, Стёпа не только задумался, но и помрачнел. Отчего – Зайнулла с Иваном не поняли. Тем временем Стёпа вздохнул и улыбнулся.

– Ну что же делать! Переночуешь у нас – а там видно будет, товарищ!

– Я в гостиницу пойду, посижу в сквере до утра, – упрямо возразил Капитонов, но видно было, что он едва держится на ногах. И когда Зайнулла и Ваня подхватили художника с двух сторон под руки, он сопротивляться не стал, а зашагал по аллее вслед за ними. Уже показались вдаль, за оградой парка, огни вокзала в сиреновом речном тумане. Вокзала, от которого часа два назад поднялся Капитонов. Слышались стонущие, будто обращающиеся прямо к тебе, голоса поездов. Луна вошла высоко. Со стороны казалось, будто трое бойцов ведут раненого товарища.

– Так у тебя имя есть, Капитонов? – спросил Стёпа, заменяя Зайнуллу, выдохшегося в попытках угнаться за длинными шагами Ивана и потерпевшего.

– Ростислав.

– Ростик? Слава?

– Рорик.

За оградой парка, совершив свой круг, пронёсся трамвай. Здесь он не останавливался, и трое, теперь уже четверо, просто проводили глазами его освещённый аквариум, высекающий искры в небе над вокзалом.

– Капитонов! – окликнул кто-то.

У белого с гипсовым шаром на верхушке столба парковой ограды стояла худенькая блондинка в голубой беретке набекрень. Про платье Иван ничего не мог сказать конкретного, кроме того, что оно красивое, но чересчур закрытое, и что эти рукава как-то забавно называются – «солнышки» или «крылышки». Что-то похожее повторяла всегда его сестра Таня, жена Стёпы, красуясь в таком же, только жёлтом, платье перед зеркальным гардеробом. Девушка, окликнувшая Капитонова, была слегка с ним схожа. У неё было на лице такое же выражение – то ли испуганное, то ли ожидающее невероятных событий. Впрочем, она действительно боялась и действительно ожидала, и ничего невероятного в её выражении не было.

– Здравствуйте, Ольга! – взял под козырёк Иван, не решившись сразу начать с «ты».

Девушка посмотрела на него пристально.

У неё были большие светло-лиловые, похожие на сливы, глаза, окружённые золотистыми ресницами, пушущимися в свете фонаря.

– А она вправду красивая. Блондинка, глаза большие, – отметил Иван.

– Капитонов, вы живы? – спросила Ольга. – С вами всё в порядке или вы взяты в плен?

– Меня взяли под крыло и даже собираются дать кров, – отвечал Капитонов, косясь на Ивана. – А вы что здесь делаете, Ольга? Одна, даже без подруги?

– Да, – вмешался Зайнулла. – Вы девушка приличная, вам сейчас полагается спать. И не говорите, что вам некуда идти, а то Стёпа приведёт вас к себе, а у него жена ревнивая. Кстати, вот у нас с Иваном ревнивых жён нет.

Ольга стояла под луной у колонны в ярком свете уличных фонарей. Мимо проносились трамваи, а кругом вилась чёрными арками и окнами улица. Вилась в прозрачном, светлом небе.

Ольга заговорила, взволнованно прижимая руки к груди и то хмуря, то поднимая золотистые брови. О том, как нехорошо было просто убежать, о том, как разругались с Марусей, о том, что надо было спасать, о том, что она боится крови на рубашке, что проводит Капитонова, а потом уйдёт к себе, и не надо её провожать. На ресницах у Ольги дрожали слёзы.

– Ух ты! – только и выдохнул Степан.

– Вот что, Ольга, – раздувая ноздри, заговорил Зайнулла, – можете сопроводить товарища художника куда хотите. А потом мы вас проводим, даже если вы живёте в самой Москве.

И уже пятеро спускались по обрывающейся пропастью к вокзалу улице. А Стёпа не торопясь подсчитывал домашние стулья, плюсуя к ним табуретки, свои и кухонные, общие с соседями.

Взволнованный появлением Ольги художник обрёл силы, перестал опираться на плечи друзей и даже ушёл вперёд, болтая с девушкой и неотступным Зайнуллой. Впрочем, когда он жестикулировал на фоне синего неба, Ивану было заметно, что у Капитонова дрожат руки.

Они подошли к трамвайному гроту, зиявшему в обрыве страшным чёрным провалом. И, вспомнив что-то, Иван придвинулся к молчаливому Степану.

– Стёпа, кто он такой? О чём ты задумался? Почему помрачнел, когда он сказал, что лечиться приехал? От чего в вашем городе лечатся? – придвинулся тихонько Иван к Стёпе, когда ночной московский гость ушёл далеко вперёд.

– От туберкулёза. В нашем городе лечатся от туберкулёза, – нехотя признался Степан.

– От туберкулёза? Ты с ума сошёл! Танька тебя убьёт! Пусть бы Зайнулла его в казармы отвёл.

– В казармы его сейчас не пустят. Ты же говорил, там сейчас Марс дежурит, – а он никого не пускает, да ещё и сдаст. Ну не в милицию же этого Рорика вести? И никого он не бил. Никому Капитонов носов не квасил. Это, Ваня, его кровь. Страшно, конечно, но пацаны у бабушки, у вас в деревне, и, может, ещё соседка у себя положит.

– Та? С кошками? Да лучше я ему кровать уступлю!

Ольга шла, глядя перед собой, чтобы не смотреть ни на Ростислава, ни на Ивана.

Иван скоро понял, что глаза у художника и Ольги были одного цвета с небом. И что цвет неба был каким-то необычным цветом, ярким и фиолетовым, и деревья были золотыми и серебряными, а дома – розовыми, голубыми, жёлтыми.

«Фонари, что ли, так освещают?» – подумал Иван, и в нём снова застучала мазурка.

И совершенно плевать было, что с утра пораньше ему и Зайнулле идти на занятия, а Стёпе на работу, похоже, уже через несколько часов.

Они и так каждую пятницу, субботу, воскресенье проводили допоздна за картами, или танцами, или песнями, или прогулками. И почему было не провести сегодняшний вечер, как все другие? Но только сегодня Ваня видел, насколько сиреневое, оказывается, небо.

«Вот, познакомься с художником!» – усмехнулся Иван про себя, а вслух сказал Стёпе: – Можно даже спать не ложиться!

* * *

Таня, Стёпина супруга и родная Иванова сестра, несколько легкомысленно отнеслась к визиту Ростислава, 28-летнего художника из Москвы, приехавшего в город подлечить туберкулёз. Впрочем, он категорически отказывался ночевать, хотя соглашался посидеть за чаем.

Сдвинули столы. Стёпа поставил пластинку, потом другую. И не переставая менял их. Стёпа любил музыку, из каждой поездки – а работал он на железной дороге – привозил новую пластинку. Пришла соседка с кошками. Достали карты. Таня вытащила из шкафа хрустальный графинчик. Прошёл полный круг «дурака». Пришли соседи сверху. Сигаретный дым встал под абажуром. Капитонов закашлялся, и они вышли в палисадничек и сели на плетень. Ушками лезли выращенные Таней любимые ландыши. Дом розовым кубом лежал на горе. Над двором возвышалась её вершина, на вершину садилась луна. А между домом и вершиной с луной стенами вздымалось сушащееся бельё. Вокруг носилась весёлая собака.

– Как же здесь хорошо весной и как ужасно зимой! – сладко поёжился Иван, вспомнив, как мерзнет здесь Таня во время зимних метелей. – Наверно, оттого и хорошо сейчас, что зимой ужасно...

Они раскрыли окна и вернулись в комнаты. Стёпа раскрыл дверцы на американском патефоне, покрутил скрипучую ручку и поставил очередную пластинку. Зайнулла и Таня пошли за покупками в привокзальный буфет. Капитонов сидел, раскинувшись на кожаном диване.

Иван решил проверить свои впечатления и вытащил Ольгу к шкафу, потанцевать. Капитонов смотрел на танцующих, прислонившись головой к диванному зеркальцу.

«Если он захочет подняться, то стукнется пятками», – подумал Иван, который сам уже все ноги отбил об эту мебель. В полосатой рубашке Степана вид у Капитонова был совершенно счастливый.

Иван танцевал с Ольгой. Ощущения вроде бы были верны. Вроде бы, потому что на пятачке у шкафа пытались танцевать сразу несколько пар. И всё равно, даже в непростых полевых условиях ни с кем ему не танцевалось так, как с ней. Озадаченный этой проблемой Иван усадил Ольгу на стул и плюхнулся на диван рядом с Капитоновым.

– Вот интересно, а где же вещи этого Ростислава? В багажном отделении, наверное.

Капитонов спал, прислонившись виском к запотевшему диванному зеркальцу.

И хотя, вернувшись, Таня всячески оставляла Ольгу ночевать, Ольге завтра тоже надо было на занятия, и рано, и на другом конце города. Поэтому Зайнулла с Иваном пошли её провожать. Тогда Иван ещё – в последний раз – решил проверить и взял Ольгу за руку, и снова, как и в два предыдущих, будто обжётся ею. Рука Ольги шевелилась в его руке, откликаясь каждому шагу, каждой мысли.

Иван готов был поклясться, что руками они с Ольгой о чём-то договариваются и уже договорились до таких вещей, про которые Иван не решался заговорить вслух.

«Вспомни о Капитонове», – велел себе Иван. Хотя Ростислав считал Ольгу девушкой чужой, по совести, она была Ростиславова, и клеиться к ней не полагалось. Иван отпустил трепещущую руку. Не раньше, впрочем, чем дошли они до девичьей квартиры, а трепет идущей Ольги последним ударом отозвался в пальцах.

«Больше никогда с ней не встречусь», – твёрдо решил Иван и остался ждать внизу, поручив Зайнулле проводить девушку по лестнице. Затем ждущий под аркой Иван вскинул голову, чтобы увидеть, за каким окном покажется девушка с провожатым. Ему всегда нравилось смотреть ночью на горящие окна, потому что казалось, что за ними люди бесконечно счастливы.

2

Интересно, чего Зайнулла так копался тем вечером у девушек, битый час прошёл, пока он от них спустился...

Иван сидел на занятиях, грыз ручку и поглядывал на Зайнуллу. С тех пор, как они проводили Ольгу, Зайнулла стал сам не свой. Он ещё больше похудел, то есть – применительно к Зайнулле – целиком усох, пожелтел. И сделался сам на себя не похож – совершенно мрачен. Можно было, конечно, подумать, что Зайнуллу доконала учёба, но Ваня думал по-другому. Тем более что Зайнулла, отличник и педант Зайнулла, у которого даже уши оттопыривались от усердия, отупел настолько, что часто не понимал даже самых простых обращённых к нему вопросов, не говоря о вопросах преподавателей.

Казалось, что днём и ночью он про себя решает сложнейшую задачу, перед которой все учебные задачи не стоят ничего, как перед теоремой Ферма. Иван же, напротив, стал учиться лучше на этих городских курсах НКВД, куда их послали как перспективных. Он и раньше мог бы блистать, но сознание оказанного ему высокого доверия сковывало Ивана по рукам и ногам, особенно в области языка. Он на занятиях слова не мог выдать в ответ преподавателям. И, хотя был умным парнем, всё учил и многое знал, твёрдо зарекомендовал себя тупицей и деревенщиной. Но вдруг, когда все Ванины мысли завертелись вокруг Ольги, мнение товарищей, педагогов и руководства перестало его волновать. Он легко и свободно заговорил обо всём, что знал и учил. И, пока его успехи хвалили, думал о чём угодно, кроме своей учёбы.

То есть, думал об Ольге. С тех пор, как они провожали Ольгу, с тех пор, как Иван решил забыть о ней раз и навсегда, – прошло две недели. Вычеркнуть девушку из жизни вполне получилось. С понедельника по четверг первой недели. В пятницу Иван, разумеется, не нашёл никаких оснований отказать Зайнулле, Стёпе и Тане в том, чтобы пойти на танцы в Парк Железнодорожников. Почему бы не пойти? И он пошёл. Первой, кого он там увидел, была Ольга, танцующая с Капитоновым.

При виде Ольги будто камень упал с плеч Ивана. Он сразу понял, как ему тоскливо было без нее. И как здорово теперь с нею рядом. Все последующие дни, вплоть до сегодняшнего, Иван встречался с Ольгой так часто, как мог. Чаще всего в Парке имени Железнодорожников. И не только на танцах. Они встречались и у башни с часами, и у ворот с чеканными факелами и звёздами, и у триумфальной арки с кольцами и лентами, обвивающими тонкие фигурки физкультурников, и у могилы революционеров. Они гуляли у фонтанов с гипсовыми примерными школьницами и босоногими встрёпанными горнистами. Они качались на трёхэтажных качелях-лодках, на которых месяц назад разбился один лихач, о чем судачило полгорода. На кованых и тяжёлых, как дредноуты, качелях. Их поднимало выше деревьев, отчего Ольга леденела на сиденье в развевающемся платье, а раскачивающий Иван задыхался от восторга. Они катались на лодках допоздна по озеру, подплывая к лебедям и высаживаясь на острове у их домика. Прижимались друг к другу на карусели с диванчиками. Кружили на цепной карусели, делающей всех невесомыми. Они крутили петли на самолёте. Прыгали с парашютом со старой вышки, пристёгнутые друг к другу ремнями. И даже катались на старинной резной детской карусели с деревянными лошадками, оленями и расписными возками. Причём Ольга всегда садилась на зелёного оленя с серебряными рогами и копытами, а Иван – на серого в яблоках коня в шикарной красной сбруе. Катаясь, они держались за руки. И рука Ольги неизменно отзывалась руке Ивана. Они стреляли в тире по красным яблочкам, по крутящимся жёлтым мельницам с полосатыми крыльями, по медведю, охотнику с усами, гудящему белому пароходу, красному самолёту, который описывал круг, домику с кукушкой, по светящейся зелёной кошечке из музыкальной шкатулки, разноцветным вертящимся флюгерам. Они даже катались на детской железной дороге, хотя до знакомства с Ольгой Иван ни разу не соблазнился на

столь дорогое удовольствие, как отчаянно ни хотелось ему соблазниться. Теперь же каждый день, пока не стемнело, они ждали условленного часа и спешили по аллеям к величественному парковому вокзалу с двумя зелёными рустовыми башенками. Проходили под арку. Слева, в башне, была касса для детей. Справа – для взрослых, и они шли направо. Покупали у девочки с гребёнкой, в вышитой блузке, билет. Потом упоительно ждали на игрушечном перроне в чугунных кружевах, плечом к плечу, пока в дыму и пламени не подкатывал поезд со звездой на груди, ведомый мальчиком-машинистом в синей бархатной пилотке испанских республиканцев. Поезд, похожий на тоненькую голубую змейку. Потом садились рядом на деревянный диван, за маленький столик с бутылками «Лимонада», «Ситро», «Золотого ранета», и ждали, пока девочка-проводница, сверкнув золотой булавкой на галстучке, надорвёт рыжий тиснёный картон билетиков. Потом у деревянной совы над проходом загорались стеклянные глаза, и поезд описывал круг вдоль озера, фонтанов, качелей и каруселей, мимо Клуба пионеров, по подъёмам и спускам, вдоль ограды с шарами, а Иван прислонялся плечом к Ольге, а Ольга к тяжёлой деревянной раме окна, в которое влетал сладкий предмайский воздух, играя белыми шёлковыми занавесками. Колёса стучали по узкоколейке мимо круглого озера, а парк казался бесконечным. Они пили лимонад с гаснущими пузырьками из железнодорожных стаканов с узорчатыми подстаканниками, а Иван слушал стук колёс по шпалам и биение сердца в лёгком теле Ольги.

Едва начинались сумерки, как дорога закрывалась. Музыканты железнодорожного духового оркестра доставали из пыльных чехлов и настраивали гнусавые инструменты на зелёной эстраде у мрамора площадки, распорядитель в смешном галстучке «собачье ухо» брал рупор, который мечтали стянуть все мальчишки, а Иван и Ольга шли на круг и танцевали. Пока не заканчивался Вечер Танцевальной культуры и отдыха. Несколько раз – на Лебяжьем острове, за красной оранжереей, у фонтана с чёрными и юркими жуками-плавунцами, у педального поильничка в дальней аллее – Иван и Ольга целовались, качаясь, как окружающие их деревья под ветром.

Но танцевать с Ольгой было лучше, чем целоваться. Потому что танцевать она не стеснялась.

– Глупо будет соблазнить девушку только потому, что она здорово танцует! – сказал себе Иван, сидя на занятиях рядом с Зайнуллой, кусая ручку и пачкая губы чернилами. И вздохнул вслух, прямо в лицо наклонившегося к нему лектора, ни слова из лекции которого до слуха Ивана не долетело.

– А что бы ты, Ваня, сделал, – обратился преподаватель к нему, видимо, в продолжение какой-то своей неслышанной мысли, – если бы справедливое советское правосудие, если бы лучший в мире справедливый сталинский закон потребовал осудить прекрасную девушку или молодую мать, скажем, за кражу? И она бы действительно украла, и не было бы смягчающих обстоятельств, – добавил он, заметив некоторый шум, поднявшийся в классе. – Вот что здесь надо сделать?

Иван подумал с минуту:

– Так как советский суд и великий сталинский закон абсолютно справедливы, я бы её оправдал.

– Как так? – растерялся преподаватель в наступившей тишине. – Закон же предусматривает...

– Так как сталинский закон абсолютно велик и справедлив, он оправдывает молодую мать или красивую девушку. – Заметив движение преподавателя, пытавшегося что-то сказать, Иван пояснил: – А если нам кажется что-то другое – значит, мы просто не можем постичь до конца, насколько абсолютно справедлив и велик сталинский закон.

Лектор в ремнях и ромбах заглянул Ивану в глаза. Иван улыбнулся с полной и ясной убежденностью. Лектор, человек хоть и высокого звания, но простой и даже простодушный, как-то засомневался в своей правоте.

Соученики молчали, сбитые с толку. Преподаватель всё же хотел что-то возразить, но, что бы ни подбирал, всё казалось ему направленным против Советской власти. Он махнул рукой и продолжил лекцию, хмуро поглядывая на грызущего перо Ивана, избегая впредь его тревожить. Отчего соученики пришли к выводу, что Иван уложил лектора на лопатки, и, толкаясь плечами и перешептываясь, прониклись к Ване глубоким уважением. А он сидел и прикидывал: сегодня будет «Праздник цветов», надо отпроситься с лекций и сводить Ольгу в парк.

Преподаватель отпустил его со вздохом облегчения, потому что, чем дальше искал он возражения на Ванин ответ, тем страшнее ему становилось.

* * *

Заходить к Ольге было рано, её занятия заканчивались только через полчаса. И Ваня отправился к Дому трудящихся, в гостиницу Капитонова.

За эти дни Иван приобрёл привычку заглядывать к художнику, словно в извинение своего безудержного ухлёстывания за Ольгой. Но на самом деле он не мог толком сказать, почему ему нравилось навещать москвича, кроме того, что страшно интересно было с ним разговаривать. А ещё вернее – смотреть, как Ростислав рисует, слушать, что он говорит, и изредка вставлять ответные реплики.

Едва поселившись в номере Дома трудящихся, Капитонов, к лёгкому неудовольствию администрации, сколотил подрамник и натянул холст. Очевидно, с тем расчётом, чтобы увезти его потом с собой в Москву. И начал картину.

Ивана удивляло, что художник пишет свою картину, закрывшись в номере. А не ходит по улицам и не приглашает никого позировать, как вроде бы полагается художникам.

Капитонов пояснил, что сейчас рисует вещь, которая у него уже в голове, а для этого не нужны натура и натурщики. Иван возразил, что художник должен рисовать жизнь, которую видит вокруг. Капитонов возразил, что уже увидел и держит это внутри. Прищурился и сказал:

– Послушай, Ваня, ты ведь с Ольгой только у Степана познакомился. И она не твоя девушка.

Будь кто другой на месте художника, Ваня умер бы сейчас со стыда. Но ему как-то легко общалось с Капитоновым. Ваня рассмеялся, рассмеялся и Капитонов, перестав рисовать и озорно глядя на приятеля.

– Чего бы ты хотел? – спросил Ростислав.

– От кого?

– От Ольги.

– Я бы хотел жить с нею, – неожиданно признался Иван Капитонову в том, в чём до сих пор не признавался себе самому.

В голове у него загудело от волнения.

У Капитонова тоже, видимо, потемнело в глазах. Он качнулся, прижимая палитру с кистями к испачканной красками рубашке.

– Знаешь, так даже лучше, – сказал Ростислав наконец, поворачиваясь к картине и быстро-быстро накладывая мазки.

Может, Иван ничего не понимал в искусстве, но пока он не мог ничего разобрать на холсте. Объяснений художник не давал, и удовольствие, получаемое Иваном от созерцания работы, заключалось главным образом в том, что ему нравился цвет, в который холст красился. Сине-лиловый. Иван посопел.

– Прости! Не могу я тебя звать Рориком, хоть режь меня. Можно называть тебя Славой? Капитонов быстро кивнул, уходя в работу.

Старые томсоновские часы, оставшиеся в номере Дома трудящихся от меблированных комнат дореволюционных времён, издали поразительные по жути звуки, будто полопались струны рояля.

– Мне пора идти, – встрепенулся Иван, взглядывая на циферблат и поправляя ремни. – Сегодня в Парке Железнодорожников выставка...

Капитонов, не отрываясь от работы, поднял брови.

– ...День цветов.

– А-а!

– Будет очень красиво. Приходи, посмотришь. Там уже весь парк уложили цветами, говорят. Тебе будет интересно. Всё в разных пятнах. Как на картинах этих, как ты говорил...

– Импрессионистов?

– Наверное.

– Придётся сходить. Передай привет Ольге! – улыбнулся Слава, метнув на Ивана из прищура морщин лукавый взгляд.

– Обязательно, – нетерпеливо бросил Иван, направившись к двери мимо раковины, которая могла быть и душем, если опустить её и задвинуть занавеску. Но чего-то помедлил, вернулся. Взял новенькую книгу, лежавшую у Капитонова на стуле.

– Современная испанская поэзия, – прочёл Иван заглавие и раскрыл. – «Алмаз».

Острая звезда-алмаз,
глубину небес пронзая,
вылетела птицей света
из неволи мирозданья.
Из огромного гнезда,
где она томилась пленной,
устремляется, не зная,
что прикована к вселенной.

Охотники неземные
охотятся на планеты -
на лебедей серебристых
в водах молчанья и света.

Вслух малыши-топольки
читают букварь, а ветхий
тополь-учитель качает
в лад им иссохшею веткой.
Теперь на горе далекой,
наверно, играют в кости
покойники: им так скучно
весь век лежать на погосте!

Лягушка, пой свою песню!
Сверчок, вылезай из щели!
Пусть в тишине зазвучат
тонкие ваши свирели!

Я возвращаюсь домой.
Во мне трепещут со стоном
голубки – мои тревоги.

А на краю небосклона
спускается день-бадьа
в колодезь ночей бездонный!

– Недурно. Похоже на ту ночь, – одобрил Иван.

Капитонов задумался, глядя на картину. Когда он рисовал, то был напряжён и гибок, словно хорошая спортивная лошадь.

– Молодцы испанцы, – сказал Иван, положил книгу, вернулся, прочёл ещё пару стихов, уже про себя, засмеялся, произнёс: – Нету в море апельсинов, и любви в Севилье нет! – оставил сборник и ушёл.

Капитонов уныло сложился на стул.

Это был тонетовский венский стул, по ободу которого шла надпись с ятями, знаками и гербами: «Железнодорожная компания Курбатов и Белькович».

3

Улица была уже совершенно зелёной. Миновав зелёную же каланчу с шарами, первомайскими флагами и пожарником в песочном комбинезоне и каске завитком, улыбнувшись красным машинкам за решетчатými дверьми, Иван чуть ли не бегом бросился к дому Ольги. Дойдя до дома с раскрытыми окнами, он хотел, как обычно, позвать её. Но вместо того вдруг решился – впервые – подняться в комнату девушек по лестнице. Старая деревянная лестница в каменном доме пахла хорошим коньяком. Иван постучал, одновременно толкая дверь, и застыл на пороге. Кто-то на диване рядом с Ольгой, склонившийся над вязанием, поднял голову. Плеснули косы, и явилось поразительное лицо. Очень узкое, ослепительной белизны, с нежным ярко-алым румянцем, вроде капель раздавленной на снегу клюквы. А уж какими красными были губы! Узкий разрез не мешал глазам быть просто огромными! А такого глубокого тёмно-синего цвета Иван не видел нигде и никогда. Замечательны были и словно нарисованные углем брови, и высокий лоб, и те самые старорежимные косы, чёрные, каждая в руку толщиной.

«Кто же это? – растерялся Иван. – Ах да! Это Маруся, подружка. Ну всё! Попался Зайнулла!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.